

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Е.Е. Тарандо

СЕМЬЯ И СОБСТВЕННОСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

В статье исследуется влияние современных, сложившихся исторически тенденций развития отношении собственности на функционирование института семьи. Анализируется кризис традиционной формы семьи, определяются тенденции развития института семьи в связи с процессами социализации собственности.

Современное общество переживает коренные трансформации, связанные с небывалым развитием его экономического, научного и технического потенциала. Глубокие трансформации переживает и институт семьи. Практически все как западные, так и отечественные исследователи констатируют факт кризиса ее традиционной формы, который явился результатом развития всего общества, всей системы общественных отношений, потребовавших качественно иной организации данного семьи.

Современное состояние семьи невозможно понять без исторического анализа развития этого института, определения тех фундаментальных тенденций всего общественного прогресса, которые требуют соответствующих ее изменений, анализа взаимосвязи и взаимозависимости этих тенденций и трансформации семейных отношений. Проблемам развития семьи посвящено немало работ, как классических авторов, так и современных зарубежных и отечественных исследователей. Практически все они отмечают определяющее влияние хозяйственного основания общества на ее структуру, функции и место в системе общественных отношений. Именно в зависимости от места семьи в общественном разделении труда выделяются: при феодализме (в Европе) — крестьянская семья и семья ремесленника, при капитализме — буржуазная и семья промышленных наемных рабочих. Более

того, даже в рамках одного типа, формы семьи варьируются (пусть и в незначительней степени) в зависимости от специфики той хозяйственной, трудовой деятельности, которая является основой ее материального жизнеобеспечения. А значит, развитие экономических отношений вызывает определенные трансформации института семьи, обуславливающие ее переход из одной формы в другую и задающие ее место в системе общественных отношений: «история семьи самым тесным и нерасторжимым образом связана с историей форм производства» [1, с. 285]. Подобный экономический детерминизм, однако, вовсе не умаляет того факта, что на семью оказывают влияние и такие факторы, как религия, культура, политика государства и т. д., каждый из которых накладывает свой отпечаток на ее формирование и становление внутрисемейных отношений. Кроме того, сама семья как социальный институт также имеет свои собственные, имманентные закономерности функционирования, определяя тем самым особенности протекания различных социально-экономических процессов. Фокус нашего анализа сосредотачивается на влиянии социально-экономических отношений (а именно исторического развития отношений собственности) на развитие института семьи.

В самом общем виде с социально-экономической стороны семья представляет собой социальный институт, обеспечивающий социальное воспроизводство общества как воспроизводство непосредственной жизни (Ф. Энгельс) через организацию прокреативного и социализирующего поведения индивидов. В свою очередь, воспроизводство непосредственной жизни, осуществляемой через удовлетворение биологических (витальных) и социальных потребностей, базируется на хозяйственной, трудовой деятельности членов данного семейного коллектива, в процессе и результате которой формируется система социально-трудовых отношений, отличная и преобладающая над собственно семейными (в смысле родственными): «в определении принадлежности к [крестьянской — *Е.Т.*] семье вопрос о том, кто состоял в кровном родстве с супружеской парой и кто нет, имел второстепенное значение. Родственные отношения только тогда становились существенными, когда они были наполнены социальным и функциональным содержанием» [1, с. 16]. Причем под функциональным содержанием здесь понимается место, роль и трудовой вклад каждого индивида в процесс материального обеспечения жизнедеятельности семейного коллектива.

Отношения собственности определяются как отношения между людьми, складывающиеся по поводу благ как условий (прежде всего материальных) воспроизводства их непосредственной жизни. Поэтому способ организации отношений по поводу ресурсного обеспечения воспроизводства непосредственной жизни, т. е. форма собственности, будет задавать форму этого воспроизводства и складывающиеся в его процессе отношения и тем самым определять конкретно-историческую специфику института семьи.

В первую очередь отношения собственности выступают условием труда как основы жизнеобеспечения и социального воспроизводства семейного коллектива и представляют собой отношения людей к условиям их трудовой деятельности как к своим, принадлежащим им (К. Маркс). Однако включенность отдельного индивида в отношения собственности всегда обуславливается его принадлежностью к той социальной общности, в рамках которой они складываются. Тем самым основой самих отношений собственности выступает все же не труд, а социальность: в дан-

ном случае только принадлежность к семье обеспечивает отдельному индивиду доступ к условиям (ресурсам) ее жизнеобеспечения и воспроизводства. В качестве необходимого условия функционирования и семьи, и социально-трудовых отношений отношения собственности влияют на формирование данного социального института, определяя различные аспекты и факторы его становления. Поэтому исторические тенденции в развитии отношений собственности, происходящем через становление ее форм (законов собственности), будут задавать определенные трансформации института семьи, связанные с ее переходом из одной формы в другую, т. е. такую, которая наилучшим образом способна обеспечить воспроизводство непосредственной жизни в сложившихся при функционировании определенных форм собственности условиях.

Трансформации семьи под воздействием становления отношений частной собственности чуть ли не досконально изучены историками, этнографами, социологами и антропологами. Однако влияние современных тенденций развития собственности на данный социальный институт в семейведческих исследованиях представлено достаточно однобоко. Как правило, выявляются сдвиги в численности семьи, ее структуре, внутрисемейных отношениях, добрачном поведении, месте семьи в системе общественных отношений и т. д., появление которых объясняется просто текущим развитием всего общества и прежде всего развитием экономики, техники и т. п. без анализа того, какие именно тенденции в развитии социально-экономических отношений изменяют общественную систему так, что она начинает требовать других форм организации семьи, так как текущие формы уже не способны надлежащим образом справляться со своими социальными функциями. Тем самым дальше констатации кризиса традиционной формы семьи дело, как правило, не идет.

Чтобы определить, какие стороны жизнедеятельности семьи трансформируются под влиянием современных тенденций развития собственности, необходимо сначала определить сами эти тенденции. В современных обществах идут процессы все большего размывания классической капиталистической частной собственности. Это означает, что частная собственность постепенно исчерпывает свой потенциал для дальнейшего социально-экономического развития, и общество начинает требовать новых прогрессивных форм хозяйствования, реализующих уже те или иные элементы общественной формы собственности. Поэтому доминирующей тенденцией развития отношений собственности на современном этапе выступает ее социализация как процесс исторического отрицания частной собственности*.

Социализация собственности разворачивается посредством нескольких фундаментальных тенденций, каждая из которых по-своему воздействует на различные стороны функционирования семьи. Прежде всего, отрицание частной собственности происходит на основе развивающегося обобществления труда. Социальная сторона этого процесса заключается в том, что разделение труда через систему производственных отношений принимает форму социально-экономических различий между людьми как носителями разных видов труда. На основе этого складываются типы семей, различающиеся между собой по структуре, численности, характеру внутрисемейных отношений. Каждый тип семьи организован так, чтобы наилучшим образом реализовать социальные функции (воспроизводство непосредственной жизни

* Более подробно о социализации собственности см. [2–4].

через постоянное восстановление сил индивидов и смену поколений) исходя из положения своих членов в системе общественного разделения труда, так как именно оно определяет общественный способ и объем ресурсного обеспечения для каждого конкретного типа семьи. Сама же семья становится институтом воспроизводства социально-экономического неравенства как неравенства исходных возможностей отдельных индивидов — выходцев из разных семей (слоев общества). Эти различия носят исторически преходящий характер. Современный этап общественного развития характеризуется углублением общественного характера труда, выражающегося в постепенном соединении различных, ранее социально разделенных видов трудовой деятельности.

В первую очередь это касается физического и умственного труда, соединение которых происходит за счет внедрения в производство высоких технологий. В результате, с одной стороны, физический труд облегчается и совершенствуется, т. е. постепенно вытесняется из производства, с другой — от работника все в большей степени требуется уже не физическая сила, а знания, позволяющие работать на сложной технике. Тем самым преодолевается ситуация, когда умственная трудовая деятельность была привилегией высших сословий, границы между умственным и физическим трудом становятся при этом все более размытыми. Аналогичная ситуация имеет место с трудом производительным и непроизводительным, простым и сложным, управленческим и исполнительским.

Соответственно, начинают постепенно сглаживаться различия между типами семей исходя из их места в системе общественного производства, т. е., говоря с известной долей упрощения, между оформившимися к началу XX столетия пролетарским и буржуазным типами семей. Данные типы определяются структурой сложившегося индустриального общества, функционирующего на основе развивающегося общественного производства того времени.

Согласно модели буржуазной семьи, мужчина должен обеспечивать семью материально, причем деятельность по обеспечению протекает вне семьи. Женщина несет на себе все обязанности по дому и воспитанию детей, чем, собственно, и ограничивается сфера ее жизнедеятельности. Дети обязательно должны получить образование, так как именно оно в дальнейшем определяет социальную возможность занять в обществе соответствующее положение и создать семью, аналогичную родительской. Получение образования в данном случае означает, что глава семьи в состоянии его оплатить, а также содержать детей до окончания обучения. Этот своеобразный «имущественный ценз» препятствовал вертикальной социальной мобильности, а следовательно, и смешению буржуазной и пролетарской семей. Из данного распределения ролей и обязанностей проистекает весь спектр внутрисемейных отношений, характеризующихся как неравным социальным положением мужчин и женщин, т. е. социально-экономическим доминированием первых над последними, так и властью родителей, и прежде всего отца над детьми.

Пролетарская модель отличается от буржуазной тем, что женщины, как правило, заняты в сфере общественного производства. Это диктовалось крайне бедственным материальным положением семей промышленных рабочих конца XIX — начала XX в., но если материальное положение семьи улучшалось, женщина уходила с работы. Что касается детей, то занятость обоих родителей на производстве означала, что дети практически полностью были предоставлены сами себе, при этом по-

стоянно стараясь добыть еду или заработать, выполняя мелкие поручения [1, гл. 4, 5, 6]. Рабочие не стремились дать своим детям образование, за счет которого им был бы обеспечен социальный рост, в т.ч. потому, что пролетарская семья как можно раньше стремилась найти в них содобытчиков.

Сближение двух моделей на основании процессов обобществления труда в современных обществах происходит двояким образом. Во-первых, происходит трансформация пролетарской семьи, вызванная объективными закономерностями общественного производства. Частнособственническое стремление к прибыли не в последнюю очередь осуществлялось посредством увеличения производительности труда рабочих через постоянное усовершенствование технической стороны производства. В результате этого от рабочего требуется не столько ловкость рук и сила мышц, сколько умение работать на сложной технике, что предполагает предварительное обучение, т. е. определенный уровень заранее полученных знаний. Это означает, что возникла общественная необходимость всеобщего образования, а само оно из частного блага стало превращаться в благо общественное. Поэтому одна из сторон трансформаций пролетарской семьи состояла в постепенном повышении образовательного уровня детей рабочих и их самих, что расширяет социальные возможности рабочих и приближает данную модель к буржуазной.

Во-вторых, идет развитие буржуазной модели и приобретение ею определенных характеристик, свойственных ранее только пролетарской модели. Прежде всего, это изменение ролевых семейных стереотипов, произошедшее вследствие массовой занятости женщин в сфере общественного производства. За последние десятилетия наблюдается резкое увеличение доли женщин в сфере наемного труда. Так, во Франции к середине 1990-х гг. работали более 90 % женщин трудоспособного возраста, не имеющих детей, и 75 % женщин с двумя детьми [5, с. 149]. Аналогичную тенденцию демонстрируют и другие страны по всему миру, в т. ч. и Россия, где в настоящее время в сфере общественного труда занято 85 % женщин трудоспособного возраста [6, с. 95]. Растет доля женщин и в сфере предпринимательства. Однако если для пролетарской семьи вопрос — работать женщине или нет — решался в зависимости от размера заработной платы мужа, то в основе женской занятости применительно к данной модели лежат несколько иные причины, переносящие акцент с необходимости пополнения бюджета семьи на личные мотивы. Собственный доход обеспечивает самостоятельность женщины и ее относительную независимость от мужа, расширяет социальные контакты и вносит разнообразие в ее жизнь. Помимо этого рост продолжительности жизни ставит проблему ее наполненности после самоопределения и отделения взрослых детей, решение которой видится именно в профессиональной занятости. В связи с этим изменяются ролевые стереотипы мужчины и женщины в семье и в общественной жизни, что связано прежде всего с перераспределением ролей в вышеуказанных сферах.

Однако на сегодняшний день, несмотря на сближение данных моделей, между ними все же остается разница — прежде всего разница в доходах, поскольку именно они, определяя материальную сторону процесса воспроизводства непосредственной жизни, имеют определяющее влияние на качество отношений в семье и на формирование социально-экономических ориентаций подрастающего поколения. Так, например, в США в 1959 г. за чертой бедности (доход в 11,8 тыс. долл. в год на семью из 4 человек) находилось 23,3 % американского населения; в 1979 г. —

11,7 %; в 1983 г. — 15,2 %; в 1993 г. — 16 % [7, с. 19–20], причем подавляющее большинство здесь составляют неквалифицированные рабочие. Тем самым различия между двумя типами семей сглаживаются пока лишь в незначительной степени: сохраняется разница в образовательном уровне между выходцами из бедных и богатых семей, по-прежнему воспроизводится мотивация пополнения бюджета у работающих женщин из семей рабочих — в 1992 г. у 18 % работавших на постоянной основе американских рабочих заработная плата была ниже прожиточного минимума [7, с. 20]. В то же время, семьи, где работают оба супруга, составляют 41 %, в 34 % семей работает только муж, и в 3 % — только жена [8, с. 184]. Остается и «двойная» занятость женщин, являющаяся неотъемлемой характеристикой пролетарской модели семьи.

Помимо этого характер профессионального труда вне дома также оказывает влияние на жизнь семьи, так как образцы поведения, усваиваемые на работе, способ и степень восстановления жизненных сил работающих членов семьи определенным образом регламентируют семейный быт. Социальное неравенство в сфере общественного производства, несмотря на то, что производственные функции отделились от института семьи, определяют различие образцов воспитания, способов разрешения конфликтов, потребностей, в т. ч. в отдыхе, предпочтение тех или иных видов досуга и т. д.

Отсюда следует, что хотя в названных моделях и произошли изменения, несколько нивелирующие различия между семьями, занимающими разное положение в системе общественного разделения труда,— изменения, вызванные трансформациями в производственном (трудовом) основании общества, тем не менее, принадлежность работающих членов семьи к разным категориям работников все же существенным образом влияет на современную семью и характер внутрисемейных отношений, предоставляя основание для выделения типов семьи.

Другая фундаментальная тенденция процессов социализации собственности — это обобществление разделенного между городом и деревней труда. Преобладающей тенденцией здесь является проникновение более легких видов труда в деревню, когда сельскохозяйственные виды труда облегчаются и совершенствуются. Элементы городского уклада проникают в деревенский. В деревне увеличивается количество видов деятельности, которые ранее считались чисто городскими. Это сближает город и деревню, в процессе чего между ними сглаживаются социальные различия, и изменяется организация социального пространства общества в целом. Но, как правило, эти виды деятельности связаны с развитием социальной инфраструктуры, сферы услуг. Что касается производственной сферы, то здесь обобществление труда идет в основном за счет технологической стороны труда, ведущей к постепенному сближению условий труда и быта в деревне с аналогичными условиями в городе.

Вследствие данной тенденции между городским и деревенским типами семей также происходит сглаживание различий, прежде всего структурных. С подъемом сельского хозяйства в XIX в. доля занятого в нем населения в Западной и Центральной Европе начала резко сокращаться: XVIII в. — около 80 % населения; к XIX в. — нач. XX в. — 40 %; 1970 г. — 10 % [1, с. 18]. В России данные процессы протекали медленнее: в 1863 г. 9,94 % населения проживало в городах и 90,06 % — в деревнях; в 1887 г. это соотношение составило 12,76 % и 87,24 % [9, с. 565], на

период 1908–1914 гг. — 15 % и 75 % [10, с. 23]. После Октябрьской революции доля сельского населения стала уменьшаться гораздо быстрее: 1926 г. — 82 %, 1950 г. — 55 %, 2000 г. — 27 % [11, с. 54]. Внедрение техники и прогрессивных методов ведения сельского хозяйства привело к высвобождению большого количества рабочих рук, что не могло не сказаться на составе семьи — батраки вытеснились членами семьи (надобность в них постепенно отпадала, и интеграция в семью для батраков со временем заменялась отношением «предприниматель — работник»). Тем самым по составу крестьянская семья, сократившись до своего генеалогического ядра, приблизилась, с одной стороны, к буржуазной модели, поскольку в крестьянской семье разделение труда между мужчиной и женщиной соотносится именно с буржуазной моделью — мужчина занимается «внешней» деятельностью, женщина — «внутренней» в пределах домохозяйства, а с другой — к пролетарской, так как, во-первых, труд женщин-крестьянок также направлен на материальное обеспечение семьи, и, во-вторых, крестьяне не спешили повышать образовательный уровень своих детей, поскольку это не диктовалось условиями и способами крестьянского труда того времени.

Между тем в настоящее время деревенская семья, так же, как и городская (буржуазная), испытывает повышение уровня занятости женщин вне сферы домохозяйства. Прежде всего это происходит из-за развития социальной инфраструктуры на селе, востребовавшей женский труд в сфере услуг.

Однако индустриализация сельского хозяйства, в какой-то мере нивелировавшая различия между городскими и деревенскими семьями, все же до конца не отделила сферу производства от сферы семьи. Поэтому, с одной стороны, для женщин в современных деревенских семьях характерно сочетание труда на производстве вне дома и занятости в крестьянском домашнем хозяйстве, но с другой, тенденция вовлечения женщин в сферу общественного производства на селе выражена слабее, поскольку труд в крестьянском хозяйстве способен не только надлежащим образом материально обеспечить семью, но и заполнить жизнь после выделения детей.

Две вышеуказанные тенденции определили сдвиги в естественном разделении труда. Этот процесс развивается на уровне семьи и на уровне общественного производства. Процессы обобществления труда, востребовавшие женский труд наравне с мужским, вызвали изменение социальной роли женщины (и, следовательно, мужчины) и перераспределение трудовых функций между мужчиной и женщиной в обществе. Это нашло свое выражение в процессах «феминизации» многих сторон общественной жизнедеятельности, хотя в каждой конкретной отрасли общественного производства эти процессы протекают по-разному. В 1990 г. в нашей стране женщины составляли 51 % общей численности занятых в экономике, в 1999 г. — 48 % [11, с. 113]. В свою очередь, перераспределение трудовых функций внутри семьи, а именно, повышение участия мужчин в работе по дому, выражена гораздо слабее, хотя активизировалось их участие в воспитании детей. В данном аспекте можно говорить и о технологической стороне обобществления труда, выражающейся в повышении технической оснащенности домашнего хозяйства, облегчающего его ведение. Кроме того, многие его стороны постепенно превращаются в отрасли общественного производства, сужая круг домашних обязанностей.

Подобные нивелирующие сдвиги в половом разделении труда, на наш взгляд, во многом определили изменения в традиционной форме семьи. Процессы социа-

лизации собственности здесь проявляются в размывании отношений частной собственности как почти исключительного права мужчин быть частными собственниками как в семье, так и в системе общественно-экономических отношений.

Размывание отношений частной собственности в семье выражается в следующем:

— Становление равенства супругов в семье в юридических, экономических (как свобода выбора рода занятий (форм экономического поведения) и как равные права на совместно нажитое имущество) и социальных, которые тесно связаны с экономическими, возможностях.

— Закрепление свободы выбора супругами фамилии (т. е. фактически принадлежности к роду) при заключении и расторжении брака. В настоящее время не так редки случаи, когда муж берет фамилию жены. Аналогичным образом дети могут быть записаны на фамилию и отца и матери. Тем самым в настоящее время можно констатировать факт размывания отцовского права.

— Размывание отцовского права выражается также в стирании различий в наследственных правах не только между сыновьями и дочерьми, но и между «законнорожденными» и «незаконнорожденными», чья «законность» уже не играет такой роли, как раньше.

Трансформации в половом разделении труда в системе общественно-экономических отношений как закрепление конкретных видов деятельности за определенным полом основаны прежде всего на изменениях в формах труда и возникающих при их реализации социально-трудовых отношениях. Сами же формы труда производны от того источника энергии, который лежит в основе данного вида трудовой деятельности. В традиционном обществе таким источником в подавляющем большинстве случаев выступала физическая сила человека, что и определяло большую социальную значимость мужчин и их доминирующее положение практически во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Становление машинного производства означало замену физической силы человека энергией природных сил в качестве основы процесса труда. Теперь работник должен обладать умениями и знаниями для работы на сложной технике, превращающей природную энергию в энергию процесса производства. Такой перенос акцента со значимости физических характеристик человека на характеристики, где физическая сила не играет основополагающей роли, определил доминирование в обществе носителей именно последних; и если носителями большей физической силы, как правило, выступают мужчины, то носителями специальных знаний и навыков могут быть и мужчины, и женщины. Поэтому перераспределение функций в общественно-экономических отношениях между полами касается тех сфер общественной жизнедеятельности, где основу труда составляют характеристики человека, не связанные непосредственно с его физической силой.

Данные процессы изменили место традиционной модели семьи в общественной системе организации семейных отношений. Ядром традиционной семьи выступала супружеская пара с детьми, а идеалом организации внутрисемейных отношений был буржуазный тип семьи, в условиях которой ограничение экономического поведения женщины (то есть фактически запрет продажи своей рабочей силы или организации своего дела) задавало ограничение ее социальных возможностей. Отсюда вытекала тотальная экономическая зависимость от мужа, который не только со-

держал ее саму, но и, как правило, был единственным, кто материально обеспечивал ее детей и их будущее, что в ряду других факторов в немалой степени придавало устойчивость браку.

Утверждение женщины в сфере общественного производства означает обретение ею самостоятельного дохода. Это предполагает и относительную независимость от мужа, и способность (возможность) самой обеспечить своих детей. На основе этого в определенной мере ослабляется действие экономического фактора стабильности семьи. Поэтому современная семья демонстрирует значительную неустойчивость, когда супруги, способные обеспечить свое воспроизводство вне совместного хозяйства, предпочитают развод продолжению неблагоприятно сложившихся семейных отношений. Так, если до революции разводы были достаточно редким явлением, то, например, в 1997 г. на каждые 100 вновь заключаемых браков приходилось порядка 60 разводов [8, с. 39]. Аналогичные тенденции имеют место в европейских странах [1, с. 261–270]. Соответственно велико число «нетрадиционных» семей. Результаты микропереписи населения, проведенной в 1994 г., свидетельствуют, что одиночки составляли 19,2 % домохозяйств в России и 21 % домохозяйств в Санкт-Петербурге. Тем не менее, преобладающим типом домохозяйств на протяжении по крайней мере двух последних десятилетий является простая семья, состоящая из супружеской пары с детьми или без детей (на 1994 г. по Санкт-Петербургу — 50,6 %, по России — 60 %); следующим по распространенности типом являются одинокие родители (15 % в Санкт-Петербурге и 13 % по России); на долю сложных домохозяйств, состоящих из двух и более супружеских пар, приходится 5 % [12, с. 4–5]. Оставшаяся часть представлена семьями, в которых не действует институт брака (одинокие дети с одним из родителей или родственниками). И хотя статистика свидетельствует, что преобладающим типом семьи остается семья, образованная супружеской парой с детьми или без них (в 1979 г. — 84 %, а нуклеарные семьи — 66 % [13, с. 45]), тем не менее, данный тип семьи теряет свое доминирующее положение и становится лишь одной из форм организации семейных отношений в ряду других форм, отражая тем самым процессы перераспределения в половом общественном разделении труда.

В этом смысле, на наш взгляд, традиционная модель семьи, организующаяся вокруг супружеской пары (с детьми или без), в которой муж материально обеспечивает жизнедеятельность семейного коллектива, несмотря на ее вытеснение другими моделями семейной организации, в будущем сохранит достаточно прочное положение. Дело в том, что феминизация сферы общественного производства как перераспределение общественных видов деятельности между полами вовсе не предполагает исключение из данной сферы мужчин: они сохраняют за собой значительную долю в общем числе занятого в общественном производстве населения. Отсюда и традиционная модель семьи будет распространена настолько, насколько ее глава сможет материально обеспечить весь семейный коллектив (в США — 34 % семей).

Так, процессы обобществления труда в качестве основания социализации собственности двояким образом воздействуют на трансформацию традиционной семьи как конкретно-исторической формы организации семейных отношений. Во-первых, происходит постепенное нивелирование различий между типами семей, выделяемыми по месту их членов в системе общественного разделения труда, а именно между буржуазной и пролетарской моделями с одной стороны, и между го-

родской и сельской — с другой. Во-вторых, происходит вытеснение традиционных моделей семьи, отводящих роль главного обеспечителя мужу, с их ранее доминирующей позиции, в связи с чем традиционная семья становится лишь одним из типов семей в ряду других, где «добытчиком» выступают другие члены семьи, что обуславливает многообразие современных типов организации семейных отношений.

Помимо процессов обобществления труда, социализация собственности предполагает тенденцию к расширению сферы общественных благ, связанную с тем, что для дальнейшего нормального функционирования общественной системы и ее развития определенные блага, бывшие ранее частными, теперь стали необходимы как общественные, т. е. реализуемые как достояние всех вместе и каждого в отдельности. Прежде всего к таким благам относятся всеобщее образование и здравоохранение.

Становление всеобщего образования происходило вслед за все большим оформлением сферы общественного производства, которое отделило производство как материальную основу жизнеобеспечения индивидов от института семьи. И в крестьянской семье, и в семье ремесленника производство было неотъемлемой, обязательной составляющей домохозяйства, регламентирующей повседневную жизнь всего семейного коллектива. Поэтому ребенок с самого раннего детства включался в ежедневную работу по дому, а социализация детей осуществлялась через их непосредственное участие в хозяйственной работе, через различные формы опытно-практического обучения. Тем самым институт семьи практически полностью мог обеспечить соответствующую подготовку к жизни подрастающему поколению.

Историческое освобождение семьи от производственной функции через становление общественного производства означало и перемены в ее социализирующей функции в той мере, в какой она, более не подчиненная непосредственно требованиям производства, утратила способность к подготовке детей к производственно-трудовой деятельности соответственно общественным потребностям. Следовательно возникает общественная необходимость обеспечения такой подготовки для каждого ребенка как обязательного условия его дальнейшей востребованности обществом и как фактора развития самого этого общества через развитие каждого его члена, что предполагает появление новых социальных институтов — институтов всеобщего (общественного) образования, функционирующих отдельно от института семьи.

Получение каждым членом общества хотя бы минимального образования и наличие общественных способов дальнейшего повышения образовательного уровня относительно независимо от материальных возможностей семьи в определенной степени способствует сглаживанию социально-экономического неравенства как неравенства исходных социальных возможностей индивидов, задаваемых местом его родительской семьи в общественном разделении труда и особенностями ее структуры (например, неполные семьи и т. п.).

Между тем роль семьи в воспроизводстве данного неравенства все же остается высокой. Так, в США для выходцев из семей, принадлежащих к высшему слою среднего класса, доля бедных составляет 3 %, для тех, чьи родители живут у черты бедности, — 12 % и 24 % для выходцев из бедных семей [7, с. 24]. Это означает, что несмотря на отделение от семьи части ее социализирующей функции (в виде подготовки к профессионально-трудовой деятельности), ее роль в социализации индивидов остается значительной: именно семья остается главным институтом первич-

ной социализации и инкультурации, именно в семье в значительной мере формируются социальные предпочтения, установки и ориентации индивидов.

Оформление здравоохранения как общественного блага также связано со становлением общественного производства, в частности с повышением роли человеческого фактора в экономике, поскольку от состояния здоровья работника не в последнюю очередь зависит качество выполнения им своих производственных функций. В связи с этим развитие медицины, повышение санитарного уровня условий жизни и производства, личной гигиены в совокупности с другими факторами привели к увеличению продолжительности жизни населения, что способствовало распространению трех и даже четырехпоколенных типов семей. Помимо этого развитие методов регулирования рождений и снижение детской смертности определило падение рождаемости. Снижение рождаемости является «реакцией» прежде всего на нестабильное материальное обеспечение семьи в периоды экономических кризисов. Однако «благополучные» европейские страны также демонстрируют падение количества рождений по сравнению с началом XX в. и более ранними периодами: в 1900 г. в Западной и Центральной Европе женщина имела в среднем 4 детей; в 1985 г. в ФРГ — 1,3; Франции — 1,47; Великобритании — 1,8; Дании — 1,45; Швеции — 1,73 [1, с. 258–259]. Тем самым обозначилась тенденция к распространению трехпоколенных малодетных семей.

Однако распространение контрацепции само по себе явилось не причиной, а средством снижения рождаемости, которое стало результатом целого комплекса факторов, в т. ч. экономических.

Удлинение продолжительности жизни предполагает и удлинение жизни трудовой, что означает на уровне семьи своеобразный экономический «конфликт поколений», когда выросшее молодое поколение не имеет возможности самостоятельного ведения хозяйства, поскольку, с одной стороны, их родители в состоянии делать это сами, а с другой — созданию своего, отдельного гнезда препятствуют экономические условия. В Европе данная проблема приобрела особую актуальность в XIX в., когда увеличение продолжительности жизни привело к повсеместному распространению трехпоколенных семей, обострив ситуацию со стариковскими выделами. Если в средние века выдел пожилых крестьян случался не так уж часто, то к XIX в. он все больше становился типичным явлением, порождая многочисленные конфликты между родителями и их преемниками. А поскольку выживало все большее количество детей, т. е. увеличивалось количество имевших права на наследование, то конфликты поколений, с одной стороны, и споры о наследстве, с другой, превратились в настоящую социально-экономическую проблему.

В нашей стране данная ситуация выражается прежде всего в жилищной проблеме. Жилищные условия являются в настоящее время одной из самых критических характеристик положения семей в России. В 1995 г. на одного жителя Санкт-Петербурга приходилось 18,6 кв.м. общей площади, по России — 18,1 кв.м.; в то же время в Японии — 31 кв.м., во Франции — 36 кв.м., в Швеции — 43 кв.м., в США — 65 кв.м. Одновременно в Санкт-Петербурге 36 % домохозяйств имеют не более 15 кв.м. общей площади на человека. Показатель количества комнат на душу населения в России в 1990 г. составил 0,8, а в 1995 — 0,7 (Япония — 1,3; Франция — 1,6; Швеция — 2,0; США — 2,2). Ситуация

усугубляется сокращением ввода нового жилья и его бесплатного предоставления, а также низким уровнем доходов основной массы семей. В С.-Петербурге в первом полугодии 2000 г. было введено менее 5 тыс. квартир, в то же время ежегодно регистрируется порядка 30 тыс. браков [12, с. 17–19]. Такое положение не может не повлиять на выполнение семьей всех ее важнейших функций, в особенности воспроизводственно-прокреативной.

Другим немаловажным экономическим фактором снижения рождаемости стало удорожание воспитания каждого ребенка, связанное с повышением общественных требований к уровню подготовки работника. Если в традиционном обществе ребенок с раннего детства (4-5 лет) уже включался в трудовую жизнь семьи, то в современном обществе период иждивенчества затягивается в связи с необходимостью получения общего образования и соответствующих профессиональных навыков и знаний. Причем государственное образование (особенно дошкольное и школьное) гарантирует как правило лишь минимальный уровень такой подготовки. Что же касается материального обеспечения всестороннего развития личности ребенка, то оно почти целиком ложится на плечи семьи.

Еще один фактор снижения рождаемости — повышение уровня занятости женщин в общественном производстве. Количество родов по группам женщин падает по мере усиления их ориентации на профессиональную деятельность. Например, проведенное в 1976 г. в Австрии исследование показало, что на женщин, которые не хотели оставить или прервать работу, приходилось порядка 1,5 родов, на временно работающих женщин — 1,84, на никогда не работавших женщин — 2,31 [14, S. 67]. Данное обстоятельство отражает не только то, что несмотря на замужество и материнство все большее число женщин продолжают работать в сфере общественного производства: оно показывает и противоречие между материнством и профессиональной занятостью. В нашей стране данное противоречие усугубляется еще и тем, что для подавляющего большинства семей прекращение женщиной работы из-за необходимости ухода за грудным или малолетним ребенком означает понижение жизненного уровня ниже прожиточного минимума.

Таким образом, снижение рождаемости, которое принято трактовать как один из показателей кризиса современной семьи, на наш взгляд, является таковым лишь отчасти, поскольку уменьшение детей в семье как будущего поколения работников также вызвано целым комплексом объективных закономерностей, в т. ч. рядом экономико-демографических процессов (увеличение периода трудоспособности как следствие увеличения продолжительности жизни, снижение детской смертности), и процессов развития общественного производства (повышение общественных требований к уровню подготовки и качеству работников). В свою очередь, становление здравоохранения как общественного блага, т. е. как гарантированного, пусть и минимального уровня бесплатного медицинского обслуживания для каждого, также оказало определенное влияние на ситуацию с рождаемостью.

Тем самым и расширение масштабов общественных благ и повышение их роли способствует сглаживанию различий между типами семей, выделяемыми как по месту их членов в системе общественного производства, так и по структурному составу. В то же время на текущий момент это влияние не настолько сильно, чтобы полностью нивелировать данные различия как различия исходных социальных возможностей выходцев из разных типов семей.

В заключение хочется отметить, что несмотря на распространенное мнение о семье как о чуть ли не самом консервативном социальном институте, она обнаруживает прямую зависимость от своего хозяйственного основания, являющегося частью экономического фундамента всего общества. Поэтому изменения этого фундамента определенным образом трансформируют семью как институт воспроизводства непосредственной жизни, обеспечивающий физическое существование общества. В этом смысле процессы социализации собственности означают изменение условий воспроизводства общества, и, следовательно, становление иных форм его организации.

В настоящее время влияние процессов социализации собственности на институт семьи видится:

- 1) в постепенном сглаживании различий между типами семей, занимающих разное положение в системе общественного разделения труда и распределения общественного продукта, в т. ч. и через расширение сферы общественных благ;
- 2) в росте многообразия типов организации семейных отношений в связи с вытеснением традиционных моделей семьи со своих доминирующих позиций;
- 3) в демократизации отношений в семье, связанной с перераспределением трудовых функций между полами в сфере общественного производства и в семье.

Данные тенденции вместе с другими факторами обусловили кризис традиционных типов семьи. Это, однако, вовсе не означает полного исчезновения семьи, а предполагает переход, в другие формы, которые лучше предшествующих справятся с задачами, возлагаемыми на нее современным обществом.

Литература

1. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (к. XVIII – XX вв.). М.: Владос, 1997.
2. Ельмеев В.Я., Тарандо Е.Е. Социология собственности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
3. Ельмеев В.Я., Тарандо Е.Е. Общественные блага и социализация собственности // Социологические исследования. 1999. № 1.
4. Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. М.: Изд-во МГУ, 1995.
5. Бир А., Пфефферкорн Р. Мужчины и женщины: динамика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1.
6. Хабибуллин К.Н. Социология здоровья и болезни. СПб.: СПБИБП МВД России, 1997.
7. Иноземцев В. Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социологические исследования. 2000. № 8.
8. Гаспарян Ю.А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб., 1999.
9. Ленин В.И. Развитие капитализма в России / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3.
10. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Госкомстат, 1995.
11. Российский статистический ежегодник 2000. М.: Госкомстат, 2000.
12. Сафарова Г. Положение семьи в Санкт-Петербурге: демо-экономические аспекты // Материалы конференции «Реформа общественного сектора». Санкт-Петербург, 25–26 мая 2001.
13. Волков А.Г. Семья — объект демографии. Л.: Лениздат, 1986.
14. Bericht über die Situation der Familie in Österreich (Familienbericht, 1979). Heft 1/ Hg. Bundeskanzleramt. Wien, 1979.